

Медвѣдь и старуха.

Взбрело на умъ, ни съ того ни съ сего, вздорной старухѣ медвѣжьего мяса поѣсть. Пристала она къ старику неотвязно: вынь да положь ей медвѣжьего мяса. «Да откуда я тебѣ его возьму,—говорить ей старикъ,—что я, охотникъ, что-ли; ни дужья у меня нѣту, ни со-

баки, ни рогадины. Пойду на медвѣдя съ топоромъ,—вѣдь онъ меня съѣстъ.» А старуха все свое: «Ступай за медвѣжьимъ мясомъ; хуже будетъ, какъ я тебѣ ухватомъ голову проломлю.» Что съ ней станешь дѣлать; собрался старикъ, заткнулъ за поясъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ.

Ходилъ-ходилъ, бродилъ-бродилъ, глядь,—а подъ деревомъ здоровенный медвѣдище спитъ, лапы въ стороны раскинулъ, храпитъ на весь лѣсъ. Подкрѣлся старикъ изъ-за куста, тяпъ, — и отрубилъ ему заднюю лапу. Какъ зареветъ медвѣдь, а старикъ бросилъ съ перепугу топоръ, схватилъ медвѣжью лапу въ охапку,—и давай Богъ ноги.

Прибѣжалъ старикъ домой, отдалъ лапу старухѣ и забился самъ на печь, сидитъ: жалко ему медвѣдя. А старуха ободрала съ лапы шкуру, сощипала со шкуры шерсть, растопила печку и поставила медвѣжье мясо вариться, а сама сѣла на медвѣжью кожу и прядетъ шерстку.

Ревѣль-ревѣль медвѣдь въ лѣсу, видитъ, дѣлать нечего: лапы не воротить. Сдѣлалъ себѣ деревянную ногу да костыль и бредетъ, ковыляетъ по лѣсу.

Пришла ночь, старикъ давно ужъ заснулъ на печкѣ, а старуха все сидитъ, прядетъ медвѣжью шерстку да ждетъ, когда лапа уварится. Вдругъ слышитъ она: кто-то идетъ по улицѣ, деревяшкой поскрипываетъ, клюкой постукиваетъ; выглянула въ оконце, да такъ и обмерла со страху: идетъ къ избѣ медвѣдь, клюкою подпирается. Подошелъ медвѣдь подъ окошко и заревѣль:

«Скрипу, скрипу, скрипу!

На липовой ногѣ,

На березовой клюкѣ!

И земля-то спитъ,

И вода-то спитъ;

Все по селамъ спитъ,

По деревнямъ спитъ,

Одна баба не спитъ,

На моей кожѣ сидитъ,

Мою шерстку прядетъ,

Мое мясо варитъ!...»

Не взвидѣла свѣту старуха; потушила огонь, открыла подполье да скорѣй туда и спряталась; сидитъ тамъ ни жива, ни мертва. А медвѣдь ужъ въ сѣнцы ввалился, деревяшкой постукиваетъ, дверь съ петель сворачиваетъ; вломился въ избу, шагнулъ въ темнотѣ, да и бултыхъ въ подполье къ старухѣ.

Медвѣдь рычитъ, старуха кричитъ.... Проснулся старикъ и бросился на село, поскорѣе народъ скликать. Пока добудился, пока собрались люди; вошли въ избу, смотрятъ: а медвѣдь-то въ подпольѣ ужъ старухины косточки доглаживаетъ. Ну, мишку убили, а старуху не воскресишь. Да не очень объ ней и жалѣли.